

начально принимали участие в литургическом действе».¹⁴ В конце IV в. Лаодикийский собор запретил импровизацию мирянами в церкви своих песен. В VI в. это запрещение было подтверждено и уточнено. Из церковного употребления исключались все гимны, не основанные на текстах Библии. В общественное богослужение допускались лишь песни-компиляции из текстов Священного писания.¹⁵

Входя в состав церковной службы, гимны приобретали значение важнейшего инструмента для широкого разъяснения и сохранения церковной традиции. Потому обращение гимнографов с библейскими текстами должно было, разумеется, строго соответствовать ортодоксальным богословским интерпретациям. Таким образом, гимнографии в создававшейся системе средневековых литературных жанров было четко определено место между Священным писанием и богословием.

Несмотря на столь строго установленные и неподвижные рамки, гимнография не оказалась отрезанной от «жизни». Напротив, ею, более чем любым другим жанром, была проникнута, насыщена средневековая жизнь. Гимны, как мы увидим дальше, и отражали жизнь, хотя и не непосредственно, но преломляя в текстах Писания. «Если быть литературным означает быть кабинетным, запертым в стороне от общественной мысли и сердца века, то гимн, — восклицает историк, — не литературен».¹⁶

Своими корнями византийская гимнография уходит как в сиро-палестинскую, так и в греко-эллинистическую культурную почву. Счастливое сочетание традиций эллинской ритмической ораторской прозы, с одной стороны, с принципами и формами сирийской христианской поэзии, с другой, дало в творчестве гениального греческого поэта, уроженца Сирии, Романа Сладкопевца (V—VI вв.) зрелую и органичную форму религиозной поэмы, называемую кондаком или контакионом (κοντάκιον). Это был «типичный продукт того литературного синкретизма, который имел место в первые века христианства и для которого характерна сильная тенденция, действующая в двух противоположных направлениях — постепенной эллинизации христианства и в то же время христианизации эллинизма».¹⁷ Классическим кондаком является знаменитый Акафист богородице (ставший прототипом всех позднейших акафистов).

Роман Сладкопевец решительно отказался от еще предпринимавшихся в грекоязычной среде попыток при создании христианских гимнов следовать античному метрическому принципу стихосложения, потерявшему смысл после утраты в живом языке разницы в звучании долгих и кратких гласных и оттого понятному лишь образованной публике. Он использовал известный в библейской и сирийской христианской поэзии, а также близкий к народной греческой, тонический строй, где стихобразующим элементом является интонация — ритм повышений и понижений голоса. В композиции своих поэм он подражал своему земляку и предшественнику Ефрему Сирину. По сравнению же с прежними ритмико-прозаическими греческими речами-гимнами с их относительной свободой во внутренней организации строфы новая форма отличалась правилом чередования строк с повторяющимся числом слогов и местом ударений.

Сто лет назад занимавшийся в имп. Публичной библиотеке кардинал Питра обратил внимание, что каждая строфа гимна в греческой рукописи несколько раз разделена киноварными точками. Ничего подобного карди-

¹⁴ Там же, стр. 158.

¹⁵ Там же, стр. 147; М. Скабалланович. Толковый Типикон, стр. 118.

¹⁶ T. V. Reeves. The Hymn..., p. 18.

¹⁷ K. Mitsakis. The Hymnography of the Greek Church..., p. 48.